

- 4 инсц. Карнаухова И, Бридесов В.А.
- 5 Аленский цветочек
- 6 Кострома. Крайний театр.
- 7 Ремс. — Гересов А.

1 ФЕВ 1978

Северная правда
г. Кострома

Т Е А Т Р

«БЫЛО ВОЛШЕБНО ВСЕ...»

Сцена из спектакля «Аленький цветочек».
Фото Ю. Калининкова.

Мне все время вспоминались стихи Новеллы Матвеевой, пока я смотрела спектакль-сказку «Аленький цветочек» в Костромском драмтеатре. Самая собой лепилась из глубины памяти строка: «Было волшебное все! Даже бумажный сор, даже мешающему-паку, вспоминаю до сих пор...». Наверное, это произошло потому, что смотрела я настоящую сказку, где действительно все волшебное и сказочное.

В последнее время, главным образом в кино, стало модным вводить в сказку элементы современности. Баба-яга прилетает на вертолете, Леший жалуются на радикулит... Неожиданно? Безусловно! Но за всем тем гибнет сама сказка, потому что топящая ее ткань не выдерживает такого грубого столкновения с реальностью. Владевшие на детские души каждого сказочного образа выверено веками. Награждая бабу-ягу атрибутами современности, мы разрушаем веру в ее волшебную сущность. А вера эта совершенно необходима в детстве, точно так же,

как любовь ко всему живому. Из этого рождается душевная красота человека.

Мне понравилось, что режиссер Анатолий Горелов старательно избегал в ~~сказочном~~ спектакле соблюдения осуждения. Герои сказки «Аленький цветочек» порою даже слишком типизированы, но, безусловно, до конца «сказочны». Аленушка — сплошная доброта и красота, Баба-яга — воплощенное зло и т. д.

Инсценировка И. Карнаухова и Л. Браусевича известной сказки С. Т. Аксакова удачно включила в действие и те персонажи, которые даны в оригинале лишь намеками. В то же время сохранена речевая характеристика главных действующих лиц — старинная, истинно русская! Сделано все это талантливо, и в результате режиссер получил благородный материал для работы, а актеры, как мне кажется, хорошо поняли, чего от них хотел. Спектакль идет ровно и с большим подъемом. А ведь зритель у него самый чуткий! Дети. Взрослые так не чувстви-

ют фальши. Здесь же с начала до конца спектакля в зале полный восторг и сочувствие происходящему на сцене.

Но есть тонкости зрительского восприятия внешне детской аудитории, которые следует учесть в дальнейшей работе над спектаклем. В нем вообще прекрасно работает трюковая линия нежити: Баба-яга (Т. Адали); Леший (В. Костин) и Кинимора (В. Эйзен). Каждый из этих персонажей наделяет своим характером и задумывается. Но не все, любимое режиссером, воспринимается детьми с одинаковым доверием.

Шевельулась возле ствола дерева, травяная кочка, и вылезла Кинимора — в зале восторг. Леший повис над сценой странным зеленоватым комом, как мох на ели. Ведь все видит его, и он говорит: «Я спрятаюсь!» — и верит. Потому что я в том, и в другом случае найдена труднодоступная стена превращения живого существа в предмет. А вот сейчас тут же Леший говорит, что надо ему «пеньком стать», а сам гораздо более похож не на пенек, а на кошку, да и слишком близко, почти за завесами, прилег — сказка нарушилась. Когда придурковатый рабочий куница (С. Долгошеев) пытается сесть на этот пенек, артист оказывается в затруднительном положении, так как зал вопит: «Леший здесь!» Не поверил ни работнику (который вообще детворе очень нравится), ни Лешему, потому что оживление живого здесь не состоялось. А вот Баба-яга (Т. Адали) захватывает внимание с самого начала, и действия ее нигде не вызывают протеста. Разве что малыши пописывают от страха — настолько она для них настоящая.

В характере Бабы-яги подчеркнуто активное начало. Появляется она стремительно, на секунду кажется — действительно прилетела на помеле. Она опасна: не зашекает ли укусит.

Но есть в этом образе еще неиспользованные возможности. Баба-яга привыкла путь и изобавлена всеобщим страхом перед нею. Потому и няньку дитяется вначале испу-

гать, что называется, не тратя лишних сил и только поняв, что ее не боятся, прибегает к колючеству. Разницу между тем и другим надо подчеркнуть. Перед зрителем должно быть в этой сцене словно бы две разные Бабы-яги и вторая — намного опаснее первой — Анатолий Горелов — режиссер кукольного театра, «Аленький цветочек» — его первый спектакль во «взрослом» театре — театре имени А. Н. Островского. Именно прошлым опытом работы и определяются и сильные, и слабые стороны достигнутого в спектакле.

«Игра куклы — чудо оживления неживого. Оживление куклы призвано служить... предельной типизации человеческого характера, или человеческой ситуации» (С. В. Образцов. «Моя профессия»). Вот такая предельная типизация характера и для главных исполнителей в сказке «Аленький цветочек». Я уже говорила, что все сказочные образы окрашены одинаково и ясны до предела, согласно сказочной традиции.

И все же люди — не куклы, их возможности на сцене больше, и не все они пока использованы режиссером до конца. Трудно что-либо добавить к роли благородного купца, отца трех дочерей (Н. Ремезов). Он совестлив, бесстрашен, величав и всячески вызывает сочувствие зрителя. А вот характерам двух старших сестер-завистниц Капы (С. Шиллер) и Фисы (М. Гаева) явно недостает косячки, того, что отличало бы одну от другой более заметно, чем это сделано теперь. Может быть, дело в трюме, в жесте?

У С. Т. Аксакова старшая сестра требует, чтобы отец привез ей «золотой венок, лакаменес самцовых», и инсценировке этого нет, но должно как-то ярче быть подчеркнуто ее властность. Помочь может эпизод с передачей ключей от дома. Сейчас Капа (С. Шиллер), получив ключ от отца, словно бы тут же и забывает о них, а можно и обыграть эту деталь. Вторая же сестра, Фиса (М. Гаева), должна приобрести черты лени и склонности к самолюбиву.

Не зря же в оригинале сказки она хочет получить «стувалет хрустальный, попросту зеркало, чтобы без конца в него смотреться».

Достоверен образ няни (В. Ригерт), но в сцене с Бабой-ягой так и напрашивается чуть более тонкая интонация — не бесстрашие, а и недоумение. Если бы, глядя на то, как Баба-яга ее пугает, нянька просто не понимала бы, чего тут боится, было бы еще интереснее. Уже ведь и найдено это (когда она перепрашивает Бабу-ягу), но не выявлено до конца.

Недостаточно «работают» и предметы. Например, болтается у Бабы-яги на шее облоданная кость на веревочке. Прекрасная деталь! Но насколько бы лучше она работала, если бы та же Баба-яга хоть однажды пошхала ее, анула даже и плюнула! Кость уже не выглядела бы только сказочным атрибутом. Имя: пошла в руки лесной нежити — инициал работника. Баба-яга оперлась на нее, как на палку, — тем и дело кончилось. А если бы пицаль эта озяла бы да и выстрела так, что шаркнула все лесная компания кто куда с перепугу. Это, кстати, объяснило бы и чудесное спасение работника из хляля, и его дальнейшее звание о том, как он воевал с лесною нежитью... Ведь только кажется, что действия героев сказки не требуют логического объяснения. На самом деле сказочная логика существует. Если кому-то удалось в сказке избежать опасности, то уж непременно было сказано, каким образом.

Все сказанное легко исправимо для живых актеров, труднее для куклы. Потому, мне думается, и не было найдено сразу. Но, во-первых, исправить эти мелкие недочеты легко, а во-вторых, не ими определяется общее впечатление от спектакля. А оно праздничное, сказочное и доброе. На наш взгляд, дебют режиссера Анатолия Горелова на костромской «взрослой» сцене состоялся.

О. ГУССАЮВСКАЯ.